

Линьков Е.С.

К генезису проблемы субъекта и объекта в философии Шеллинга.

Вестник Ленинградского университета, 1969, №11, вып. 2. — с. 60-67.

Проблема субъекта и объекта проходит через всю историю философской мысли. Уже Фалес даёт определённое решение вопроса о природе объекта. Но вся античная философия исходит из недостаточно осознанной предпосылки, что мышление тождественно бытию. Средневековая философия в этом пункте не вносит существенных изменений, так как, с одной стороны, опирается как на нечто готовое на античную философию (преимущественно на Платона и Аристотеля) и на догматы христианства — с другой. Лишь в философии нового времени, начиная с Декарта, проблема субъекта и объекта приобретает более резкую форму. Это был прогрессивный момент по сравнению с античной и средневековой философией, которая ещё не знает резкой противоположности субъекта и объекта, мышления и бытия.

В дальнейшем развитии проблемы субъекта и объекта историческая заслуга принадлежит классической немецкой философии, которая развивает, хотя и в абстрактной форме, деятельную сторону субъекта. Может показаться, что деятельную сторону субъекта развивал идеализм вообще, поскольку за исходное берётся дух. Но при таком взгляде упускается из виду различие между идеализмом метафизическим и диалектическим.

Кроме того, даже диалектический идеализм

(например, Фихте и Гегеля) не способен полностью осознать и объяснить активность субъекта. Признавая деятельным дух как субъект, они тем самым наделяют активностью мистический субъект, а действительный субъект рассматривают как нечто менее активное. Деятельность реального субъекта выносится за его пределы, отчуждается от него и противопоставляется ему в виде высшей мистической действующей сущности.

«Отсюда и произошло, — говорит К. Маркс, — что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой».¹ В гносеологии Канта деятельность субъекта проявляется в подведении материала чувственности, возникающего в результате воздействия вещи в себе, под различные априорные формы познающего субъекта. Агностицизм нашёл своё выражение в дуализме непознаваемой вещи в себе и познающего субъекта. Фихте, Шеллинг и Гегель стремятся преодолеть как дуализм, так и недостаточную активность субъекта в философии Канта. Они развивают глубокую мысль, что субъект со всеми его способностями и формами познания должен быть продуктом собственной деятельности.

В работе «О понятии наукоучения или так называемой философии» Фихте впервые намечает путь преодоления этих недостатков философии Канта. Несколько месяцев спустя, в этом же 1794 году, Шеллинг пишет работу «О возможности формы философии вообще». Соглашаясь полностью с Фихте, Шеллинг по

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1.

сравнению с ним делает шаг вперёд, так как начинает рассматривать связь категорий с исходным принципом философии. Работа Шеллинга, как в фокусе, заключает в себе все достоинства и недостатки и указывает пути решения проблемы субъекта и объекта, которая, принимая различные метаморфозы, проходит через всю философию Фихте, Шеллинга и находит своё завершение у Гегеля.

Шеллинг согласен с Фихте, что философия есть наука, которая имеет определённое содержание при определённой форме. «*Наука* вообще, — говорит Шеллинг, — каково бы ни было её содержание, есть целое, которое стоит под формой *единства*. Это возможно лишь постольку, поскольку все части этого целого подчинены *единому* условию, а каждая часть определяет другую лишь постольку, поскольку она сама определена этим единым условием. Части науки называются положениями, а это условие, следовательно, — основоположением. Наука возможна, таким образом, только благодаря основоположению». ² Форма и содержание основоположения необходимо связаны и обуславливают друг друга. «Вообще форма может быть реализована только через содержание. Но точно также содержание без формы = 0». ³ Так как объектом философии является система человеческого знания, то её можно назвать, говорит Шеллинг, теорией (наукой) всей науки, т. е. наукоучением.

Так Шеллинг развивает правильную мысль, что

² Schellings sämtliche Werke. 1. Abtheilung. Bd. 1. Stuttgart — Augsburg, 1856, S. 90.

³ Ibid., S. 95

философия как наука должна быть не собранием разрозненных положений, а единым целым, в котором все положения необходимо связаны друг с другом. Философия должна быть монистической системой, единый принцип которой обуславливает единство формы и содержания. Эта плодотворная мысль Шеллинга о философии как науке, все части которой связаны внутренней необходимостью, найдёт наиболее полное развитие в «Предисловии» к «Феноменологии духа» Гегеля. Каков же принцип, который выдвигает Шеллинг, стремясь преодолеть дуализм философии Канта? «Просто в себе самом безусловное основоположение, — говорит Шеллинг, — должно иметь содержание, которое само безусловно, т. е. которое не обусловлено никаким содержанием какого-либо другого основоположения (пусть это содержание будет фактом, или абстракцией и рефлексией). Это возможно лишь постольку, поскольку это содержание есть нечто, которое первоначально просто положено, данное бытие которого не определено ничем вне его, которое, следовательно, полагает себя само (посредством абсолютной причинности)». ⁴ «Это есть ничто иное, как Я, положенное первоначально через себя самого, которое обозначается через все данные признаки. Так как Я просто положено, его данное бытие не определено ничем вне его, оно полагает себя само (посредством абсолютной причинности), оно положено не потому, что оно было положено, а потому, что оно само есть полагающее». ⁵

Здесь Шеллинг допускает двоякую ошибку. Во-первых, принцип философии как самое абстрактное

⁴ Ibid., S. 96.

⁵ Ibid., S. 96-97.

начало абсолютно отрывается от остальных положений философии. По существу развитие принципа есть конкретизация его, есть процесс восхождения от абстрактного к конкретному. Принцип может и должен быть оправдан лишь полным его развитием. «Конец» развития принципа должен быть конкретным, единством различных определений, его абстрактного начала. Принцип философии должен выступать единой целой, конкретной системой. Принцип не есть нечто внешнее, чуждое по отношению к системе философии. Система философии должна быть лишь полным развитием принципа, его воплощением. Только в этом случае принцип является действительным принципом философской системы. Шеллинг же останавливается на абстрактном начале принципа.

Во-вторых, принцип философии рассматривается как самодовлеющий, абсолютно независимый от объективной реальности, как полагающий самого себя посредством абсолютной причинности. Абстрактное начало принципа доводится до абсолютно пустой абстракции. Этот принцип абсолютен лишь постольку, поскольку он представляет собой абстрактную категорию всеобщего, в её оторванности от особенного и единичного. Шеллинг, как идеалист, гипостазирует понятие.

Дуализм философии Канта не преодолевается. Вещь в себе Канта, под которой скрывается объективная реальность, отбрасывается Шеллингом, и принцип философии переносится в мистический субъект, в Я, обладающее абсолютной причинностью самого себя. Вопрос о тождестве мышления и бытия замыкается в сфере субъективности. Вместо абстракции действительности

утверждается действительность пустой абстракции, вместо сознания бытия — бытие пустого сознания, которое вследствие этого уже не является сознанием. Поэтому требование философии монизма, единства формы и содержания остаётся невыполнимым.

«Если содержание высшего основоположения, — говорит Шеллинг, — обосновывает одновременно его форму, а форма опять обосновывает его содержание, то форма может быть дана не через ничто иное, как через Я, а само Я — лишь через форму. Теперь Я дано только лишь как Я, следовательно, основоположение может быть лишь таким: **Я есть Я**».⁶

Для Шеллинга принцип философии существует не как отражение объективной реальности, а как нечто абсолютное, самостоятельное, независимое ни от чего, кроме себя самого. Если бы принцип был выведен из объективной реальности, то он не был бы абсолютным по форме и содержанию. Единство формы и содержания такого принципа было бы относительным. Поэтому Шеллинг, настаивая на абсолютности принципа, последовательно приходит к выводу, что содержание и форма принципа абсолютно, а не относительно, обуславливают друг друга. Принцип выступает замкнутым, абсолютным единством формы и содержания. Но абсолютное единство формы и содержания уничтожает абсолютно всякое различие между ними. Шеллинг неизбежно приходит к абсолютному формализму пустого субъективного сознания. Принцип «Я есть Я» представляет собой тавтологию: «сознание есть сознание». Невозможно, со-

⁶ Ibid., S. 95

гласно Шеллингу, допустить нечто от Я отличное, которое было бы определено через те же самые признаки. Такое допущение Не—Я, обладающее всеми признаками Я, противоречит понятию Я как безусловному, абсолютному принципу. «Но именно этим самым, — делает вывод Шеллинг, — дано теперь также содержание (и вследствие этого также форма) второго основоположения, которое гласит так: **Не—Я не есть Я** (Не—Я>Я). В качестве содержания основоположения, в качестве возможного содержания основоположения *вообще*, дано *Не—Я вообще*».⁷ «Поскольку Не—Я противоположно Я, а форма Я есть форма безусловности, постольку форма Не—Я должна быть формой *обусловленности*, и она может стать содержанием основоположения лишь постольку, поскольку она обусловлена Я».⁸

«Связь определённой формы с определённым содержанием во втором осново-положении возможна лишь постольку, поскольку *содержание* определено высшим основоположением, а этим содержанием одновременно форма, следовательно, также связь *обоих*».⁹

Так Шеллинг из первого основоположения, безусловного по форме и содержанию, пытается вывести второе основоположение, которое обусловлено по содержанию и безусловно по форме. Выдвигая Я как принцип философии, полученный путём абсолютного абстрагирования от объективной реальности, Шеллинг поставил задачу априорного выведения всех определений объективной реальности. Но это выведение невозможно, так

⁷ Ibid., S. 98.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

как исходный принцип, формально логическое тождество Я=Я, не содержит в себе внутреннего противоречия как источника необходимого развития. Не—Я выступает не как некоторый результат необходимого развития Я, а как результат должествования, источником которого является сам Шеллинг. От пустой категории всеобщего, которую Шеллинг превратил в мистическую самостоятельную сущность, он не в состоянии показать переход к особенному и единичному. Не—Я не вытекает из принципа, а вводится в полном противоречии к нему. Не—Я не выведено из Я, а введено как эмпирическая истина, как результат познания объективной реальности. Шеллинг изменяет своему априорному принципу.

«Я положено через себя самого. Но этим же самым Я положено Не—Я, следовательно, Я упраздняло бы себя само, если бы оно не полагало себя само как раз благодаря тому, что оно полагает Не—Я». ¹⁰ «Я положено лишь постольку, поскольку одновременно полагается Не—Я, и Не—Я положено лишь постольку, поскольку одновременно полагается Я». ¹¹ «Тем самым определено теперь *третье* основоположение, *содержание* которого дано *безусловно*, так как Я полагает себя только через себя самого благодаря тому, что оно полагает Не—Я (из свободы); форма же этого основоположения обусловлена, т. е. возможна лишь благодаря форме первого и второго основоположений, как форма *обусловленности, определённая безусловностью*. Связь формы с содержанием в этом основоположении возможна лишь постольку, поскольку форма определена двумя высшими основоположениями, и, так как в них их определённая

¹⁰ Ibid., S. 99.

¹¹ Ibid.

форма становится возможной лишь благодаря их определённому содержанию, его содержание одновременно определено косвенно этими основоположениями». ¹²

Таково выведение третьего основоположения, безусловного по содержанию и обусловленного по форме. «Из этих трёх основоположений, — говорит Шеллинг, — первое *просто непосредственно безусловно* по своему содержанию и по своей форме, второе *непосредственно безусловно* лишь по своей форме, третье *непосредственно безусловно* лишь по своему содержанию». ¹³ Выше мы уже показали несостоятельность выведения основоположений, исходя из понятия принципа, выдвинутого Шеллингом. Чтобы сделать этот порок ещё более явным, остановимся на логике выведения, т. е. на субъективном моменте.

В первом основоположении содержание и форма абсолютно обуславливают друг друга. Их несоответствие, говорит Шеллинг, уничтожило бы само основоположение. Но если форма первого основоположения обуславливает содержание второго основоположения, то это содержание абсолютно тождественно содержанию первого основоположения. Так как, согласно логике самого Шеллинга, данной форме может подходить лишь данное содержание, то отсюда следует, что второе основоположение по форме и содержанию абсолютно тождественно первому. Если, теперь содержание первого основоположения обуславливает форму третьего основоположения, то эта форма также должна соответствовать

¹² Ibid.

¹³ Ibid., S. 100.

только этому содержанию. Поэтому третье основоположение, как и второе, абсолютно тождественно первому. Таким образом, все три основоположения представляют собой тавтологию, а логика выведения этих основоположений как различных является образцом софистики. Реальное основание возможности этой софистики мы покажем после рассмотрения связи категорий с тремя основоположениями.

Кант, правильно замечает Шеллинг, установил категории рассудка как бы *ex abrupto*, без выведения их из единого принципа. «Этому, — говорит Шеллинг, — удивляешься ещё больше, когда читаешь его собственное заверение, что все эти формы, которые он расположил по четырём классам, имеют нечто общее друг с другом, что, например, везде имеется одинаковое количество форм каждого класса, именно три формы, что *третья* форма возникает везде из связи первой и второй её класса и т. д. Это указывает, однако, как раз на *первоначальную форму*, под которой они стоят *все вместе*».¹⁴ Но Кант всё же вплотную подошёл к принципу категорий, так как анализ категорий *отношения*, согласно Шеллингу, показывает их идентичность трём основоположениям.

«Категорическая форма есть ничто иное, как форма *безусловно* данного бытия, которая дана высшим, основоположением всех основоположений и касается лишь способа, вообще, как полагает предикат, каким бы он ни был. Эта форма стоит, следовательно, также лишь под законом *безусловно* данного бытия (под положением противоречия). — Аналитическая форма.

¹⁴ Ibid., S. 105.

Гипотетическая форма есть ничто иное, как форма *обусловленно* данного бытия, которая дана вторым высшим основоположением и стоит лишь под ним. — Синтетическая форма.

Разделительная форма есть ничто иное, как форма данного бытия, *обусловленного совокупностью условий*, следовательно, составленная из обоих прежних и данная лишь третьим высшим основоположением. — Смешанная форма». ¹⁵

Правильная мысль Шеллинга, высказанная в начале работы, что философия должна быть монистической, находит теперь более развёрнутое определение. Подчёркивание элементов необходимой связи между категориями, представленными Кантом в «Критике чистого разума», требование выведения этих категорий из единого принципа — всё это подводит к мысли, что философия должна быть монистической системой диалектики категорий. Рассмотрим, насколько удалось Шеллингу реализовать эту глубокую мысль. «По количеству форма, стоящая под первоначальной формой *безусловно* данного бытия, может быть лишь формой *единства*, так как лишь эта форма безусловна, наоборот, форма множества обусловлена формой единства, так что форма количества, стоящая под первоначальной формой *обусловленно* данного бытия, может быть лишь *множеством*». ¹⁶ «Форма количества, стоящая под первоначальной формой *обусловленности, определённой безусловностью*, должна быть, следовательно, множеством, определённых благодаря единству, т. е. *цельностью*». ¹⁷

¹⁵ Ibid., S. 107.

¹⁶ Ibid., S. 107.

¹⁷ Ibid., S. 107—108.

«По *качеству* форма, стоящая под первоначальной формой *безусловно* данного бытия, может быть лишь формой *утвердительности*, так как форма, стоящая под первоначальной формой *обусловленно* данного бытия, может быть лишь отрицательной». ¹⁸ «Третья форма, определённая двумя высшими основоположениями, может лишь объединять в себе форму утвердительности и отрицания, но никогда не может выражать одно из двух». ¹⁹ Это — форма ограничения.

«По *модальности* форма, стоящая под первоначальной формой *безусловно* данного бытия, может быть лишь формой *возможности*». ²⁰ «Форма модальности, стоящая под первоначальной формой *обусловленно* данного бытия, есть *действительность*». ²¹ «Объединение обеих форм даёт действительность, определённую возможностью, т. е. *необходимость*». ²²

Вся эта дедукция категорий имеет два недостатка. Во-первых, в категориях каждого класса не вскрыта их необходимая связь. Первая категория каждого класса рассматривается вне связи со второй категорией. Затем независимо от первой вводится вторая категория и начинается выяснение их отношения. Поэтому третья категория каждого класса не является действительным синтезом первых двух. Это — метафизический способ рассмотрения. Шеллинг разделяет все достоинства и недостатки кантовского взгляда на категории.

¹⁸ Ibid., S. 108.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid., S. 108.

²¹ Ibid.

²² Ibid., S. 109.

Во-вторых, все категории в совокупности не выведены из трёх основоположений, а, будучи взятыми в готовом виде, сведены к этим трём основоположениям. Первому основоположению соответствует категорическая форма, форма единства, утвердительности и возможности. Второму — форма условности, множества, отрицания и действительности, и третьему — форма разделительности, цельности, ограничения и необходимости. Категории, соответствующие каждому основоположению, повторяют лишь само основоположение. Это — тавтология. Выше же мы показали, что все три основоположения представляют собой тавтологию. Поэтому длинный путь софистических рассуждений Шеллинга представляет собой не развитие принципа, а лишь бесформенное повторение его. При всей видимости движения Шеллинг не двинулся с того пункта, с которого начал, т. е. что Я=Я. Несостоятельность принципа, выставленного Шеллингом, доказана.

Но любая философия не витает вне мира, если даже её автор убеждён, что принцип этой философии абсолютен и полагает себя самого посредством абсолютной причинности. Поэтому необходимо показать, что скрывается за искусственной схемой, предложенной Шеллингом.

Первое основоположение представляет собой мистификацию Спинозовской субстанции как *causa sui*, рассмотрение её в сфере субъективности. Положительно здесь то, что делается попытка преодоления неподвижности этой субстанции. Второе и третье основоположения являются мистификацией возникновения человека из единой субстанции и их отношения в процессе познания. С возникновением человека субстанция становится

объектом познания субъекта. Шеллинг развивает понятие субстанции — субъекта в форме субъективности. Это понятие, принимая различные превращения, проходит через всю философию Фихте, Шеллинга и Гегеля. В связи с этим понятием была развита *диалектика* классической немецкой философии. Рассмотренная работа Шеллинга в зародышевом состоянии содержит почти все главные моменты этой диалектики. Три основоположения и все категории, связанные с ними, содержат в себе признание и решение основного вопроса философии в форме субъективного идеализма. В попытке вывести из первого основоположения второе содержится подход к закону единства и борьбы противоположностей. В рассмотрении трёх основоположений и трёх категорий каждого класса как тезиса, антитезиса и синтеза, в стремлении вывести все тройственные категории из единого принципа содержится догадка о законе отрицания отрицания и о законе перехода количества в качество.

Проблема субъекта и объекта, таким образом, подверглась у Шеллинга мистификации и нашла своё выражение в понятии субстанции — субъекта. Мистификация здесь заключается, в том, что субстанция и субъект рассматриваются не как различные моменты, имеющие нечто общее, а как единый момент, не как конкретное тождество с моментом различия, а как абстрактное, абсолютное тождество. Будучи абстрактным выражением абстрактного тождества, понятие субстанции — субъекта может трактоваться как в духе субъективного, так и в духе объективного идеализма. Субъективный идеализм абсолютно абстрагирует сознание от объективной реальности как объекта познания и от субъекта,

носителя этого сознания, обезличивает, возводит, в субстанцию, в абсолютное Я. Именно эту операцию с сознанием проделывает Шеллинг. Гегель, объективный идеалист, абстрагирует сознание только лишь от субъекта, распространяет на всю объективную реальность, объявляет субстанцию сознательной. Обе точки зрения являются крайностями, которые сходятся в понятии субстанции — субъекта, односторонними и, как любил выражаться сам Гегель, абстрактными, рассудочными, недialeктическими определениями, которые вследствие этого не являются истинными. Разумеется, точка зрения объективного идеализма — ближе к истине, так как объективный идеализм не абстрагируется по крайней мере от процесса познания внешнего мира. Если в философии Фихте и Шеллинга (в фихтеанский период) пустое — субъективное, и вследствие этого абсолютное сознание бессознательно действует и познаёт свою собственную деятельность, то в философии Гегеля сознание объективной реальности посредством всей истории человечества познаёт самое себя. Объективный идеализм ближе к материализму. Но мистификация действительных отношений не даёт возможности даже объективному идеализму подняться полностью до истинной точки зрения. А подлинно истинный взгляд заключается в том, что объективная реальность является объектом познания субъекта на основе материально-практической деятельности. Сознание субъекта есть осознание объективной реальности. Бесконечный процесс познания объективен по своему содержанию и субъективен по форме. Субъект в определённом смысле слова является продуктом природы, но ещё в большей степени он является продуктом своей собственной материальной деятельности. Развитие субъекта, его сознания происходило в соответствии с

практическим преобразованием природы в ходе истории. Таково истинное выражение тождества и различия субъекта и объекта, сознания и объективной реальности, субстанций и субъекта.

Мистифицированное выражение проблемы субъекта и объекта в форме субстанции — субъекта глубокому анализу подверг К. Маркс: «Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувыркаться, ставя самого себя, противопоставляя себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание. Говоря по-гречески, мы имеем: тезис, антитезис, синтез».²³ Заслуга Шеллинга состоит в том, что он развивает правильную мысль о философии как научной системе, единый принцип которой должен обуславливать единство содержания и формы в ряде необходимо связанных категорий. В мистифицированной форме Шеллинг выразил глубокую мысль, что философия должна быть монистической системой диалектики категорий, источником необходимой связи которых выступают основные законы диалектики.

Все эти догадки содержатся в понятии субстанции — субъекта, замкнутого и рассматриваемого лишь в сфере субъективности. Понятие субстанции — субъекта представляет собой по существу абстрактное и мистифицированное выражение идеи развития. Поскольку это понятие является лишь мистификацией действительной природы, действительного возникновения человека и

²³ Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1.

его отношения к этой природе в процессе познания, поскольку Шеллинг необходимо пришёл к верным и глубоким догадкам. Мистификация же действительности привела только к догадкам. Наличие действительных отношений, лежащих в основе мистификации, позволяет (с известными натяжками) перенести эту мистификацию на саму действительность. Этот поворот к трактовке понятия субстанции — субъекта в духе объективного, идеализма мы наблюдаем в философии Фихте и Шеллинга после 1801 года и во всей философии Гегеля.

Summary

Schelling's work "On the possibility of the forms of philosophy in general" is submitted to a concrete historical analysis. Schelling, though on the idealistic basis, had a right idea of philosophy that it should be a monistic system of categories necessarily connected by the fundamental laws of dialectics.